

№ 174. ВТОРНИКЪ, 6-го (19-го) ЮЛЯ

У 1904

ВТОРНИКЪ, 6-го (19-го) ЮЛЯ № 174.

ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО XXXI-ЫЙ Г.

Ялтинские силуэты.

Объ А. П. Чеховъ.

Когда уходит со сцены великий человек. Даже малознавшие его понимают о нем и его деятельности имеют часто большой интерес и глаза тучных его людей.

Умеръ Чеховъ.

Я был лично знакомъ съ нимъ, бывалъ у него, а еще чаще встречался съ нимъ.

Живя въ Ял.ѣ, трудно было и не встречаться съ великимъ художникомъ, ибо сама Ялта такъ миниатюрна, что, какъ говорится, въ ней повернуться негдѣ, непременно на кого-нибудь наткнешься..

Такъ и съ Чеховымъ. По крайней мѣрѣ, тогда, когда Чеховъ былъ еще сравнительно здоровъ, пока недугъ не сланивалъ его силъ и не приковывалъ его къ дому, Чеховъ часто гулялъ по Ялтѣ, и, доходя до набережной, отдыхалъ или въ книжномъ магазинѣ Синаки, гордащаго именемъ друга Чехова, или на знаменитой «скамеечкѣ у Синаки», на которой мнѣ приходилось влипать рядомъ съ Чеховымъ фигуры и другихъ выдающихся лицъ—Н. Н. Конякова, М. Горькаго, покойнаго пейзажиста Левитана и друг.

Какъ-то разъ Чеховъ останавливалъ меня. Онъ сидѣлъ съ кѣмъ-то «у Синаки», чуть-ли не съ Бондаковымъ, а я шелъ мимо и приветствовалъ великаго художника поклономъ.

— Пойдите, пойдите, раззоритель! Итъю сказать вамъ кое-что! За что вы насъ раззорять хотите? — самымъ серьезнымъ тономъ обратился ко мнѣ Чеховъ, протягивая руку.

— Что случилось, Антъ Павловичъ?

— Ваша передовая въ «Крымскомъ Курьере» объ улучшеніи участіи почтово-телеграфныхъ чиновниковъ?

— Сегодняшняя? Да, Антонъ Павловичъ!

— Вы рекомендуете обложить особымъ сборомъ поздравительныя телеграммы, съ тѣмъ чтобы сборъ шелъ въ пользу чиновниковъ? Ну? Какъ же не злодѣйство? Читаю утромъ вашу статью, а потомъ вспоминаю: батюшки! Въ Такарогъ то сегодня приходится сразу двѣ телеграммы поздравительныя по-лати. И я заторопился... А то вдругъ вспоминаю вашему проесту — обложить телеграммы дополнительнымъ сборомъ, раззоръ...

Это была чисто-чеховская шутка, произносимая самымъ серьезнымъ тономъ, безъ малѣйшей улыбки.

Въ другой разъ Чеховъ останавливалъ меня словами:

— Скій вы безстрашный... Пишите, и не бойтесь...

— Кого, Антонъ Павловичъ?

— Да хотя-бы...

И онъ назвалъ фамилію дамы, известной всей Ялтѣ, типичнейшей представительницы кружка полумныхъ «чеховцевъ» или «антонъвожъ», называвшей Чеху нестерпимо своею навязчивостью, назойливостью, своимъ приставаньемъ къ нему въ гостиныхъ, въ театрѣ, на улицѣ. Да ма отличалась особо энергичнымъ характеромъ и тою степенью нахальства, которая давала ей возможность торжествовать побѣду надъ соперницами въ запискиваніи иногда презрительной улыбки А. П. Чехова.

Она приносила къ нему на поклонъ толпы столь-же деликатныхъ поклонницъ и поклонниковъ, она пыталась окружить Чехова своими заботами объ его житейскомъ благополучіи, звали тридцать разъ въ день по телефону, справляясь о его здравьѣ, тратя въ день на вѣздѣла его уютную дачку, словомъ, продѣлывала умышленно все то, что продѣлываютъ, конорятъ, въ Кронштадтѣ богомолки съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ.

Чеховъ пытался отдалиться отъ пылкой поклонницы св его таланта, но, повидимому, силъ на это не хватало.

Ушла изъ Ялты, переселившись, кажется, въ Москву, энергичная поклонница только послѣ довольно неожиданнаго увлеченія Чехова арти-

сткою московскаго Художественнаго театра Бинперъ и жеманьбы на ней...

И такъ, — опять маленькая чеховская шутка: я напечаталъ въ южныхъ газетахъ очеркъ латинской жизни, въ который ввелъ два три эпизода изъ дѣятельности типичной «антоновки». Кто-то послалъ Чехову вырѣзку съ этими очеркомъ, и Чеховъ далеко не былъ въ претензіи на маленькій памфлетъ... Была ли довольна «антоновка», не знаю... Только и до этого очерка она мнѣ не взыалась, а послѣ его напечатанья перебѣгла съ одной стороны улицы на другую, завидѣвъ меня...

Изъ послѣднихъ встречъ съ Чеховымъ на мою прямо таки тяжелую впечатлѣнію произвелъ инцидентъ съ «Вишневымъ садомъ».

За нѣсколько дней до появленія въ московскихъ газетахъ текста «Вишневаго сада» въ пересказахъ слушавшихъ речетницу этой пьесы, я былъ у Чехова. Онъ только что закончилъ пьесу, рукопись лежала на столѣ. Повидимому, возникалъ вопросъ о необходимости переписки рукописи. По крайней мѣрѣ Антонъ Павловичъ спросилъ у меня, кому я даю переписать свою рукопись, на какихъ условіяхъ и такъ далѣе.

— Должно быть, переписать придется... Самому возаться не хочется..

Я предложилъ привезти на квартиру къ Чехову свою пишущую машинку переписать пьесу сразу въ двухъ или трехъ экземплярахъ подъ его диктовку или безъ нея. Чеховъ согласился, но потомъ передумалъ и сказалъ:

— Итъ. должно быть, побѣду въ Москву, тамъ устроюсь. Кстати, еще кое что пересмотрѣть хочу.

Мнѣ и въ голову не приходило просить у него сообщить мнѣ свѣдѣнія о пьесѣ, такъ какъ изъ всего предшеставшаго разговора я выселъ заключение, что онъ не желаетъ покуда опубликованія ея содержанія даже какъ будто нѣсколько ко недовольствъ тѣмъ, что въ газетахъ уже появились сообщенія о томъ, что она уже готова объ ея названіи и т. д.

Прошло нѣсколько времени, и въ московскихъ «Новостяхъ Дня» появился фельетонъ, въ которомъ очень подробно излагалъ съ содержаніе пьесы. Получивъ соответствующій номеръ этой газеты и зная, какъ жадно латинское общество прислушивается ко всему, что касается Чехова, я счелъ уместнымъ перепечатать въ редакціируемой мною «Крымскомъ Курьере» фельетонъ «Новостей Дня». Пожалуй, для полной корректности надо было бы у самого Чехова спросить разрѣшеніе, но въ нашъ миръ въ такихъ случаяхъ это, въ сущности, не водится: разъ статья гдѣ-нибудь напечатана, ее перепечатываютъ десятки изданій. Такъ было и съ «Вишневымъ садомъ» въ передачѣ «Новостей Дня»: ея текстъ сообщали чуть-ли не въ сотни или даже тысячи провинціальныя газеты...

Въ день появленія въ «Крымскомъ Курьере» фельетона съ изложеніемъ содержанія чеховской пьесы, я былъ встреченъ на улицѣ однимъ изъ редакціонныхъ служащихъ.

— Въ редакцію плеге? Такъ интересуетесь-же! Васъ Чеховъ уже три, четыре раза вымывалъ къ телефону. Повидимому, что-то очень важное: займѣтно волнуется...

Вызвавъ номеръ дачи Чехова, я скоро получилъ отвѣтъ и услышалъ возмущенный голосъ Ант на Павловича:

— У васъ напечатанъ фельетонъ съ изложеніемъ содержанія моего «Вишневаго сада»...

— Но передачѣ «Новостей Дня».

— Да, да, знаю! Пропу васъ, М. П., завтра же напечатать... Убѣдительно прошу!...

— Слушаю. Непременно напечатано!

— Напечатайте, что передача содержанія пьесы! Чего общаго съ настоящимъ содержаніемъ моей пьесы. Чего общаго! Ни слова правды! Такъ напечатаете?

Я былъ пораженъ: что же это? Мистификація со стороны «Новостей Дня»? Но такими вещами не шутятъ. Есть-же ямена, въ которыхъ никакъ не пристойнень фарса. Къ Толстому, къ Чехову...

Ошибки со стороны «Новостей Дня»? Но в тексте поминутно упоминается вишневый садъ... Ошибки быть не могло...

А Чеховъ стоитъ у телефона и повторяетъ: — Непременно напечатайте. Завтра же напечатайте...

Давъ отбой отъ телефона, я только что отвернулся, какъ опять затрещалъ звонокъ:

— Только моего имени въ замѣткѣ не упоминайте! — слыжится голосъ Чехова: — напечатайте просто, что получили изъ достовернаго источника свѣдѣнія...

На другой день въ «Крымскомъ Бурьерѣ» появилась соответствующая замѣтка, а въ нѣсколькихъ московскихъ и петербургскихъ газетахъ — моя телеграмма о невѣрности передачи содержания «Вишневого сада» «Новостями Дня», а еще черезъ день или два въ тѣхъ-же «Новостяхъ Дня» замѣленіе Владиміра Ивановича Печарова: содержаніе пьесы репортеромъ «Новостей Дня» передано совершенно верно...

Мнѣ не оставалось больше ничего, какъ сослаться на источникъ полученія свѣдѣній — на авторитетъ Антона Павловича. Что и я сдѣлалъ... Къ моему счастью, самъ Антонъ Павловичъ тѣмъ временемъ проѣхалъ въ Москву и при встрѣчѣ съ какими-то виднымъ публицистомъ подтвердилъ: содержаніе пьесы передано цѣлѣно...

Инцидентъ этотъ для меня закончился. Но...

Но самъ по себѣ онъ не печерпалъ: дѣло въ томъ, что когда пьеса была поставлена, зрители могли убѣдиться въ приблизительной вѣрности передачи ея содержанія «Новостями Дня»... Ни мистификаціи, ни фэрса, ни ошибки со стороны репортера газеты, не было...

Въ чемъ дѣло? Я не знаю.

Повидимому, все суть въ томъ, что репортеръ, вѣрно передавая все *содержаніе* пьесы, нѣсколько не такъ понялъ *характеръ* дѣствующихъ лицъ, какъ понималъ самъ Чеховъ.

Но крайней мѣрѣ, пріѣхавъ въ Москву, Чеховъ за та нѣзъ аргументовъ Художественнаго театра переубѣивать подѣ его наблюденіемъ заново первые акты пьесы...

Въ моей памяти сохранилось еще не мало эпизодовъ изъ столкновеній и встрѣчъ съ Чеховымъ, но куда, думаю, довольно рассказаннаго...

М. Чернухинъ.

Комментарий

Синани Исаак Абрамович (1855–1912) – владелец книжно-табачного магазина «Русская избушка», находившегося в здании гостиницы «Франция» на ялтинской набережной (дом не сохранился).

Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – историк, археолог; академик.